

Е. В. Жилинская

**ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Белорусский государственный университет, Минск;
alenazhylinskaya@gmail.com;
науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.

Постколониализм (или постколониальные исследования) в широком смысле обозначает историко-культурный феномен, в литературоведческом аспекте – специфический подход к исследованию литературы, находящейся на стыке нескольких культурных традиций. Постколониализм в качестве методологического подхода к изучению художественной литературы направлен на рассмотрение амбивалентных образов субъекта и реальности. В проблемное поле постколониальных исследований входят вопросы национального самосознания, определения культурной идентичности, проблема (само-) репрезентации угнетенного, анализ властных отношений между культурами, механизмов власти/подчинения, а также выявление новых транскультурных форм в зоне контакта колонизатора и колонизированного. Критика постколониальной теории связана с универсализацией постколониальным дискурсом самого себя, ориентированностью преимущественно на англо-французский имперский опыт, тенденцией к обобщению и недостаточным вниманием к различным формам культурного контакта, историзацией действительности через единую категорию колониализма.

Ключевые слова: постколониальные исследования; дискурс; ориентализм; культурная идентичность; критика постколониализма; универсализация знания; европоцентричность.

В 80-ых годах XX века оформляется междисциплинарное направление гуманитарных исследований – постколониализм или постколониальные исследования. Культурно-историческими предпосылками возникновения новой области являются значительные изменения в геополитическом мире, а именно, распад колониальной системы и обретение независимости бывшими колониями. Среди прочего – усиливающиеся тенденции обращения мира к плюралистической мысли, принятия многообразия и гетерогенности окружающей действительности, утверждения «периферийными» культурами своей самоценности и идентичности.

Автор гендерных и культурных исследований М. В. Тлостанова полагает, что причиной, по которой постколониальные теории вошли в широкий обиход только к концу XX века, может быть и то, что идеи, подрывающие гегемонию западного знания, не могли быть восприняты, пока не оказались «легитимированы» в рамках постмодернистского дискурса [4].

Наступление постколониальной эпохи знаменуется расшатыванием универсалистской позиции, которую занимает в мире западноевропейское знание, и медленным свержением статуса-кво в этом вопросе. Статус-кво заключается в том, что знание, порожденное доминирующей культурой, признается истинным или универсальным, и выработанные этим знанием модели человека и общества становятся образцом, к которому нужно стремиться. Постколониальные исследования направлены на вскрытие механизмов универсализации западноевропейского знания, от насильственных колониальных кампаний до различных дискурсивных практик.

Кроме того, понимание постколониализма варьируется в зависимости от объекта исследования. В качестве объекта исследования могут выступать: 1) бывшие европейские колонии с момента обретения независимости, 2) с момента колонизации или 3) все культуры и общества с точки зрения их властных отношений с другими культурами [6]. В любом случае, общим для всех предметом постколониальных исследований являются процессы «реагирования, приспособления, сопротивления или преодоления культурного наследия колониализма после обретения независимости» [6].

Э. Саид, Х. Бхабха и Г. Спивак считаются основоположниками академического постколониализма. Согласно распространенной трактовке, постколониальные исследования можно понимать как субдисциплину культурных исследований. С развитием культурных исследований меняется взгляд на литературу и литературоведение. Устанавливается, что эстетическое значение (литературы в том числе) детерминруется социально. Далее, расширяется понятие «чтения», которое распространяется на все символические практики, конструирующие действительность. И наконец, устанавливается взаимосвязь между исследованием литературы и исследованием культуры [1]. Важным местом культурных исследований является понимание субъекта и реальности, которые всегда конструируются и определяются через различные практики высказывания, т. е. с помощью дискурса [1]. Постколониальные исследования наследуют такое понимание субъекта и реальности. В частности,

концепцію дискурса М. Фуко розвиває американський постколоніальний теоретик арабського походження Едвард Саїд в фундаментальній роботі «Орієнталізм» (1978).

Орієнталізм – це дискурсивна практика і метод мислення, які конструюють реальність по біполярній моделі, розділяючій світ на штучні конструкції «Захід» і «Схід», і визначають образ і місце «східного чоловіка», позбавленого суб'єктності, перетвореного в об'єкт вивчення, який не може говорити сам за себе. Орієнталізований Схід має мало спільного з географічною картою. Тут важна семантика. Схід – це колонізовані землі, а «східний чоловік» – «представитель підкореної раси, а не мешканець певної географічної області» [3]. Це тіньовий Другий, створений європейцями для протиставлення і утвердження власної позиції. В протиставленні «неправильному», «чужому» і «заспокоюваному» Сходу західний культурний проєкт переоткриває сам себе і присвоює такі характеристики як «правильний», «істинний», «єдинственно правильний». В результаті виникають географічно-історико-культурні сутності «Захід» і «Схід», що утворюють семантичну опозицію (і єдність). Головна небезпека орієнталізму полягає в поширенні «геополітичного свідомства на естетичні, гуманітарні, економічні, соціологічні, історичні і філологічні тексти» [3]. Одними з найяскравіших літературних образів, в яких відбилися орієнталістські уявлення про «чоловіка Сходу», є дикарь Каліббан У. Шекспіра і Пятниця Д. Дефо. В кожному з цих образів проявилася північна сторона ставлення до орієнталізованого Другого.

В образі Каліббана втілюються ідеї про зло, небезпечне і несправиме дикаря, який не заслуговує гуманістичного ставлення, тому що ніколи не зможе пізнати європейську культуру і знання. Іншими словами, образ Каліббана несе установку, що зробити з дикаря цивілізованого чоловіка неможливо, ще раз підкреслюючи, що «чоловік» в універсальному сенсі слова – це саме цивілізований чоловік і ніяк інакше. Пятниця Д. Дефо представляє іншу сторону медалі. Пятниця виявляється здатним і вразливим учнем, відкритим до пізнання Біблії і з вдячністю приймаючим європейське світоглядання. Це західнізований дикарь, який приймає колоніальну владу і во всім намагається наслідувати образу «хазяїна».

В обоих образах нашли отображение колониальные представления о Другом (Калибан – воплощение иррационального ужаса перед «дикарем», а Пятница – воплощение мечты о послушном рабе). Таким образом, одной из задач постколониального дискурса является критическое, деконструирующее, прочтение текстов, на которые, так или иначе, оказала влияние колониальная идеология. Такой форме прочтения часто подвергаются тексты Дж. Конрада, Дж. Остин, Ч. Диккенса, и конечно, «Буря» У. Шекспира и «Робинзон Крузо» Д. Дефо.

Программный пересмотр отношений между культурами, особенно в аспекте власти/подчинения, неизбежно поднимает вопрос о культурной идентичности, условиях и принципах ее формирования, бытия и репрезентации. Проблемная идентификация субъекта, оказавшегося на пограничье культур и традиций, сложные процессы взаимовлияния культурных и эстетических парадигм, формы репрезентации гетерогенной действительности и идентичности – все это формирует особый дискурс гибридности. Более того, идентичность (пост-) колониального субъекта становится общим полем теоретизирования для всех культурных, постколониальных, мультикультурных или транскультурных исследований.

Критика постколониального дискурса связана с самой природой дискурса, который априори подразумевает исследующего субъекта, конструирующего реальность. Претензии к постколониальной теории подробно описаны в обобщающем и аналитическом исследовании «Постколониальная теория: критическое введение» (1998) Лилы Ганди [5]. Ученый отмечает, что постколониализм может стать одним из тотальных метанарративов, претендующих на единственно верную интерпретацию действительности. Основной категорией постколониальной теории является «колониализм». Колониализм, или европейский колониализм, рассматривается как фундаментальная категория, в рамках которой не только описывается, но и к которой сводится опыт существования как минимум одной трети населения, а иногда и всех людей, стран и их взаимоотношений. Однако Ли́ла Ганди считает, что «колониализм» не может быть универсальной категорией, охватывающей весь опыт существования и взаимодействия культур. Во-первых, он не дает объяснения тем сходствам, существующим в культурах и обществах, которые не связаны колониальным прошлым. Во-вторых, не достаточно учитывает различие, а именно культурно и исторически различные формы как колонизации, так и антиколониальной борьбы [5].

На проблему универсализации постколониальным дискурсом самого себя указывают представители философии деколониального поворота, в частности М. В. Тлостанова. Она подчеркивает западно-ориентированность постколониальных исследований, в основном описывающих локальный в мировом масштабе англо-французский колониальный опыт, но перенося его на «все человеческие сообщества, пережившие колониально-имперский комплекс взаимоотношений» [4].

Вопросы к постколониальным исследованиям возникают вследствие расширения понятия дискурсивного доминирования и его переноса на все отношения между культурами, гендерными и этническими группами, в которых есть дисбаланс власти и в которых одна сторона подвергается системному и институализированному угнетению [1]. Таким образом, в терминах постколониализма может описываться расовая, половая или политическая доминация. В любых отношениях «угнетенных» и «угнетателей», «угнетенная» группа лишена субъектности, но обязательно находится в колониальном подчинении. По мнению Лилы Ганди, постколониальные исследования иногда не учитывают, например, «фундаментальную несоизмеримость между преимущественно культурным „подчинением” поселенцев в Австралии и преимущественно административным и милитаристским подчинением колонизированной культуры в Африке и Азии» [5].

Приставка «пост-» не только указывает на временной период после распада колониальной системы и обретения бывшими колониями независимости, но и указывает на специфическую точку зрения. С одной стороны, это критический взгляд, который западная культура направляет к себе. С другой стороны, это попытка посмотреть на историю с точки зрения периферийных культур. Проблема заключается в том, что несмотря на противоположную интенцию, постколониализм все равно представляет колонизированные культуры «под знаком и призраком Европы», и «все временные и культурные отношения вступают в дефисные отношения с колониализмом» [5].

В заключение можно указать некоторые направления развития постколониальных исследований. Теория постколониализма к настоящему моменту выработала не только программу, но и собственную критику, многие идеи и концепты вошли в состав других дискурсов, например, гендерных исследований, и стали «общим местом рассуждений об инаковости» [4].

В начале XXI века появляются первые попытки перенести постколониальный дискурс на постсоветское пространство и рассмотреть опыт постсоветских стран и России в связи с имперской проблематикой и явлением культурной доминации [2]. Теория постколониализма применяется и в отношении Восточной Европы [2]. В начале XXI века оформляется смежное направление – философия деколониального поворота, предлагающая новый подход к исследованию имперско-колониальных отношений. В постсоветском литературоведении можно выделить работы С. П. Толкачева, М. В. Тлостановой и О. Г. Сидоровой, посвященные явлению мультикультурного и постколониального романа. В белорусском контексте стоит отметить издание междисциплинарного журнала «Перекрестки» при содействии Центра передовых исследований и образования (CASE), а также такие литературоведческие события, как перевод Т. Л. Нетбаевой на белорусский язык книги Евы Томпсон «Песняры імперыі: расійская літаратура і каланіялізм» (*Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*, 2000) в 2009 году.

Библиографические ссылки

1. Бужыньска А. Тэорыі літаратуры XX стагоддзя / А. Бужыньска, М. П. Маркоўскі; навук. рэд.: Л. Баршчэўскі. Мінск : Медысонт, 2017.
2. Голубкина С. Е. О некоторых тенденциях развития постколониальных исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). С. 15–22.
3. Сауд Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока. Санкт-Петербург : Русский миръ, 2006.
4. Тлостанова М. В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64.
5. Gandhi L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction. NY : Columbia University Press. 1998.
6. Ngam R. N. Ben Okri's The famished road: a case study in the translation of New Englishes]. URL: https://www.academia.edu/12138933/BEN_OKRI_S_THE_FAMISHED_ROAD_A_CASE_STUDY_IN_THE_TRANSLATION_OF_NEW_ENGLISHES (date of access: 25.04.2020).